

находившиеся у него на руках дела Ивану Семеновичу. Взяв пакет и дав сторожу гравенник, господин Голядкин пришел в квартиру свою и увидел, что Петрушка готовит и собирает в одну кучу весь свой дряг и хлам, все свои вещи, очевидно намереваясь оставить господина Голядкина и переехать от него к переманившей его Каролине Ивановне, чтоб заменить ей Евстафия. Молча снял Петрушка шинель с своего барина, хотел было прибрать калоши, но калош не было, потому что господин Голядкин их потерял; проводил своего барина в его комнату, подал свечу и молча указал ему на пакет, лежавший на столике. Пакет пришел по городской почте. Машинально и почти не помня себя, распечатал его наш герой и прочел, к величайшему своему изумлению и окончательному своему уничтожению, нижеследующее:

«Благородный, за меня страдающий и навеки милый
сердцу моему человек!

Я страдаю, я погибаю, — спаси меня! Клеветник, интригант и известный бесполезностью своего направления человек опутал меня сетями своими, и я погибла! (Но он мне противен, а ты!..) Нас разлучали, мои письма к тебе перехватывали — и всё это сделал безнравственный, воспользовавшись одним своим лучшим качеством — сходством с тобою. Во всяком же случае можно быть дурным собою, но пленять 20 умом, сильным чувством и приятными манерами... Я погибаю! Меня отдают против воли, насилию, и всего более интригует здесь родитель, благодетель мой и статский советник Олсуфий Иванович, вероятно желая занять мое место и мои отношения в обществе высокого тона... Но я решилась и протестую всеми данными мне природою средствами. Дескать, так и так, а я протестую, дескать, так и так... а вы, милостивый мой государь и мерзавец, того... и Отрепьевы в наш век невозможны... Дескать, спаси меня, милый сердцу моему человек! Не дай мне погибнуть и жди меня с каретой своей сегодня, ровно в девять часов, у окон квартиры господина Берендеева. У нас бал. Я 30 выйду, и мы полетим, полетим... и будем жить в хижине на берегу Хвалынского моря. К тому же есть другие места служебные, как-то: повытчиком в палате, в губернии. Престарелой же тетушкы нашей Пелагеи Семеновны мы с собой не возьмем: она не соглашается ехать. Но во всяком случае вспомни, мой друг, что невинность сильна уже своею невинностью. Хороша еще одна нравственная идея насчет своих мест и историческая идея о том, что Отрепьевы в наш век невозможны. Прощай, вспоминай обо мне и, ради неба, жди меня с каретой своей у подъезда. Я же, с своей стороны, брошусь под защиту объятий твоих ровно в два часа пополуночи.

40

Твоя до гроба

Клара Олсуфьевна».